

А.Л. Кунгуров

Становление и особенности инфраструктуры охотничьих (кормовых) территорий и взаимосвязь с изменением социума присваивающих обществ

Некоторые особенности среднепалеолитических памятников (в том числе каменоломен-мастерских) позволяют рассматривать их не только с точки зрения производства, но и как интересные социокультурные объекты. Развитие производительных сил общества палеантропов, функционировавшего на основании социальных законов агамии, аномии и разборных отношений [1], не могло обеспечить разработку сырьевых ресурсов на постоянной основе. Видимо, добыча сырья являлась разнообразно важной хозяйственной деятельностью, на время которой объявлялась агамия (запрет отношений между полами). Она могла осуществляться в рамках подготовки и проведения загонной охоты или как независимая работа части предобщины. В случае близости выходов пригодного для обработки камня предпочтительным был первый вариант организации работы. Если источник сырья находился в рамках контролируемой территории далеко, могло существовать разделение мужской рабочей группы на «горняков» и охотников. То, что древнейшая горная деятельность являлась мужским занятием, естественно, является предположением, которое сложно доказать или опровергнуть. Однако чисто физические трудозатраты, необходимость транспортировки на место базового лагеря-стоянки преформ и заготовок орудий, первоначальное расщепление камня в месте его добычи и подобное явно отнимало много усилий и времени именно мужчин.

Мы склоняемся к тому, чтобы считать временные охотничьи стоянки (в том числе и в пещерах небольшой площади) и мастерские-каменоломни остатками жизнедеятельности мужской рабочей группы палеантропов в периоды агамии. Эту гипотезу подтверждают свидетельства достаточно длительного проживания «горной» группы палеантропов на месте добычи сырья. Можно реконструировать алгоритм функционирования мастерских-каменоломен:

- подготовка (создание запаса продуктов питания и необходимых инструментов);
- перемещение рабочей группы с базового лагеря на выходы сырья;
- осуществление процесса добывания, первичной обработки камня, изготовление крупных орудий труда (заготовки, бифасы) и преформ нуклеусов для расщепления в базовом лагере;
- транспортировка заготовленного на место основного проживания.

Этот алгоритм существенно упрощен, так как не все стоянки еще зафиксированы, не все материалы проанализированы с минералогических позиций. Одно дело, когда мастерская находится в зоне прямой видимости со стоянки (комплекс стоянка Усть-Машинка 3 – мастерская-каменоломня Давыдовка 1 в долине Машинки), и совсем другое, когда сырье с Давыдовки 1 использовалось на стоянках в долине Алея (Гилевское Водохранилище 6) [2, с. 42–46]. В первом случае расстояние между объектами по прямой составляет 2 км, во втором – свыше 20 (при этом необходимо преодоление как минимум трех рек, включая Алея). Индустриальный комплекс ранних технологических горизонтов Давыдовки 1 содержит не только свидетельства первичного расщепления, но и большое количество орудий, с утилизацией камня не связанных: скорняжные инструменты, разнообразные зубчато-выемчатые орудия, отщепы, сколы и пластины со следами использования. Это яркое свидетельство не только горных работ, но и проживания людей на территории мастерской. Не исключено и то, что на памятнике не только осуществляли первичную обработку камня, но и оснащали наконечниками копья. По-другому объяснить обилие зубчато-выемчатых форм, применяемых преимущественно для обработки дерева, сложно. Подобный орудийный набор демонстрирует не только Давыдовка 1 [3, с. 98–102], но и другие мастерские, которые можно интерпретировать как каменоломни в Рудном Алтае (Усть-Буточный 1, Ревнюха, Давыдовка 2) [4], Средней Катунь и Среднем Причарыше [5, с. 103–110; 6, с. 3–13].

При характеристике среднепалеолитического «охотничьего» блока индустрии автор отмечал то, что часть памятников с маломощным культурным слоем, поверхностным залеганием материала или местонахождений, которые соотносятся с ними (Усть-Колыванки 1, 2, Верх-Каменки 1–4), могут являться остатками временных охотничьих стоянок мужской рабочей группы. Эта идея не оригинальна и неоднократно высказывалась в литературе, характеризующей преимущественно малые пещерные мустьерские комплексы [7]. Однако при характеристике материалов Предалтая такая интерпретация может иметь вполне эвристический характер. Кроме отмеченных комплексов, регион изобилует находками на галечных отмелях рек в самых различных уголках – от верхнего течения Алея до среднего Чумыша. Объяснить процесс попадания такого количества ар-

тефактов в речной аллювий удастся не всегда. Часть находок можно интерпретировать как остатки разрушенных «спроецированных» стоянок [8, с. 15–21; 9, с. 93–06], но далеко не всех.

Даже беглое знакомство со многими «подъемными» коллекциями каменных орудий (которые, к слову, часто не вызывают у исследователей никакого интереса и остаются в забвении) приводит к закономерному вопросу: почему они представлены по преимуществу выразительными классическими образцами, притом, что были собраны все встречающиеся артефакты [10, с. 33–42]? В случае полного разрушения стоянки и попадания каменной индустрии в аллювий логично было бы ожидать традиционной выборки (даже обедненной процессом разрушения и смыва), в которой преобладают продукты расщепления, прежде всего отщепы разнообразных ядрища, сколы. Тем не менее ничего подобного в сборных коллекциях нет. Ответ на поднятый вопрос может дать новый тип памятников, обследованный автором в верхнем течении Каменки, где на 10-километровом отрезке реки со слабым водотоком и «V-образной» долиной без пологих площадок, пригодных для организации стоянок, значительную долю аллювиальных отдельностей составляют каменные артефакты. Их характеризуют те же параметры – преобладание выразительных орудий и почти полное отсутствие отходов производства. Мы предположили, что местонахождения Верх-Каменки 1–4 являются остатками временных охотничьих стоянок (лагерей), где брошенные охотниками орудия остались на первоначальном месте без существенного перемещения. Развивая дальше это предположение, можно интерпретировать: многочисленные местонахождения на отмелях предгорных рек – это также остатки временных охотничьих стоянок.

В случае верности нашего вывода, который, вне всякого сомнения, носит предварительный характер, можно охарактеризовать сборы прекрасных мустьерских изделий как остатки охотничье-заготовительных стоянок мужской рабочей группы предобщины палеантропов, которые организовывались непосредственно на низких участках рек вблизи воды. Для этих памятников характерен вполне конкретный набор орудий, подготавливаемый заранее и оставляемый охотниками после завершения цикла работ и транспортировки добытых и разделанных животных на место базового лагеря. Последующие палеогеографические изменения разрушили эти объекты, однако каменные орудия, которые в течение десятков тысячелетий скапливались на береговой кромке, стали неотъемлемой частью речного русла [11, с. 14–32; 12, с. 63–67].

Учитывая специфику различных регионов Предалтая и наши предположения о характере мужских охотничьих стоянок, мы можем реконструировать организацию кормовой территории палеантропов в Рудном Алтае, Горной Шории, Причумышье и

Средней Катуни (о Предалтайской равнине и лесостепной зоне подобных сведений нет, следовательно, реконструкция была бы недостоверной).

Рудный Алтай. Наличие выразительных мастерских-каменоломен длительного времени использования, базовых долговременных и временных охотничьих стоянок свидетельствует о достаточно сложной инфраструктуре кормовых угодий предобщины, занимающих, скорее всего, значительные территории региона. Центром являлось базовое стойбище, расположенное в укромном пологом заветренном месте вблизи источника воды. Наличие выходов сырья, судя по расположению стоянок, было необязательным. В пределах видимости от места базового стойбища располагалось найденное и освоенное местонахождение сырья (роговик, яшма, лиддит и т.п.). С него поставляли материал, необходимый для нормального жизнеобеспечения, и на нем же мужская охотничья группа готовила снаряжение и оружие для проведения загонной охоты в период агамии. Имеются свидетельства проживания этой группы на каменоломнях. Упомянутая подготовка занимала какое-то время коллектива, после истечения которого осуществлялась передислокация на место проведения охоты. Несомненно, существовал накопленный опыт подобных мероприятий, основанный на многолетних наблюдениях за поведением животных, многочисленных приметах, использования разведки и т.п. Все эти действия прекрасно описаны этнологами при характеристике присваивающих охотничьих хозяйств различных обществ и вряд ли структурно существенно изменились по сравнению с эпохой мустье (о характере конкретных мероприятий, связанных с подготовкой охоты, например на кенгуру или северных оленей, мы не говорим, речь идет о схеме организации, которая достаточно устойчива).

Проведение охоты, разделка и обваловка добычи, подготовка ее к транспортировке на базовое стойбище, проживание на месте временного лагеря сопровождалась использованием заранее подготовленных инструментов, их починкой, подправкой. Маловероятно то, что свои орудия охотники, нагруженные добычей, стали бы брать с собой, их выбрасывали после завершения этого цикла. Именно эти предметы и продолжают находить исследователи на галечных отмелях Алая и его притоков. После доставки добытых животных в базовый лагерь начинался новый цикл функционирования хозяйства, связанный с переработкой биоресурсов, их потреблением и т.п. («хозяйственный» блок индустрии).

Таким образом, в инфраструктуру кормовых угодий предобщины палеантропов Рудного Алтая входили базовое стойбище, мастерская-каменоломня, несколько временных охотничьих стоянок, функционирование которых зависело от времени года и природно-климатических условий. Судя по иссле-

дованным участкам региона, эта территория занимала пространство долины малой реки длиной 20–30 км с выходом к Алею.

Горная Шория. Структура угодий и схема их использования в этом регионе существенно отличалась от подобного в Рудном Алтае. Прежде всего это было связано с характером сырьевых ресурсов, доступ к которым имелся практически в любом месте юго-западных отрогов Горной Шории. Материал 6, 7 и 8 к.с. стоянки Ушлеп 6 свидетельствует о проведении подготовки снаряжения и вооружения к охоте на месте базовой стоянки (т.е. этот цикл не определялся наступлением агамии и не может рассматриваться как деятельность мужской рабочей группы). Бесспорно, охота проводилась на достаточном удалении от стоянки, но на современном уровне исследования документировать такие участки кормовой территории мы не можем. Не исключена их фиксация в долине Антропа, но это достаточно удаленное от Ушлепа 6 место, поэтому оно может входить в угодья другой предобщины, базовое стойбище которой нам пока неизвестно.

Причумышье демонстрирует противоположную Горной Шории картину. Известны многочисленные стратифицированные (Черемшанские пещеры 1 и 3) и «поверхностные» малые местонахождения, соответствующие определенным ранее мужским охотничьим лагерям, но отсутствуют (пока не найдены и не исследованы) базовые стойбища и каменоломни-мастерские. В этом отношении долина верхнего и среднего течения Чумыша напоминает Рудный Алтай. В качестве предположения можно высказать тезис о возможности существования каменоломни-мастерских на алевролитовых выходах Сары-Айры [13] и отрогах горы Кивда, сложенных качественным фтанитом и криптокристаллическим кварцитом [14–15]. Косвенным свидетельством вхождения Кивды в инфраструктуру охотничьих и сырьевых угодий причумышских предобщин свидетельствует распространение кивдинского кремня на Чумыше и отсутствие его (о чем уже говорилось ранее) на памятниках устьевой зоны р. Ушлеп, несмотря на то, что гору видно с базового поселения (расстояние около 10 км). Можно предположить, что граница между угодьями проходила по правобережью Нении (Солтонское поселение 1).

Средняя Катунь исследована достаточно полно, но мустьерские памятники там неизвестны, за исключением комплекса каменоломни-мастерских на выходах серого и черно-белого полосчатого кремня (фтанита) в верховьях Тыткескень. Местонахождения (каменоломни) Тыткескень 4, 5, 7 и 8 демонстрируют развитую систему вертикального блокового добывания и первичного обогащения сырья, но раскопки на них не проводились, поэтому выводы о характере памятников делать преждевременно.

Становление человека современного физического типа и его хозяйства на территории Предалтая вряд ли привело к существенному изменению инфраструктуры кормовой территории сформировавшихся племен. Предобщины, ставшие повсеместно составной частью дуально-родовой организации в качестве рода (фратрии), скорее всего сохранили за собой контролируемые угодья, усилив благодаря новым возможностям производительных сил интенсивность их использования. Косвенно об этом свидетельствует преобладающая точка зрения исследователей о преемственности культур среднепалеолитических, развитого и позднего палеолита. Ставшая основой индустриального набора призматическая стратегия утилизации камня потребовала смены сырьевых приоритетов. Роговиковые каменоломни предшествующего периода были заброшены, а комплексы на выходах более качественного сырья (яшмы, порфиры, кремль, лидит и т.п.) еще недостаточно исследованы, поэтому достоверно характеризовать структуру верхнепалеолитической кормовой территории в Рудном Алтае мы не можем.

Достаточно интересные факты для реконструкции предоставляют материалы юго-восточного Предалтая (Предалтайская равнина и долины Катунь и Бии). Здесь хорошо исследованы и базовые стойбища, и охотничьи лагеря, документируются временные охотничьи стоянки. Долговременные поселения (Тыткескень 3, Усть-Куом, нижние слои, Усть-Сема, 3 к.с., Сростки и т.п.). То, что памятники относятся к разным культурам, для восстановления настоящего сегмента хозяйства роли не играет. Наиболее интересные наблюдения позволяют сделать стоянки, расположенные на северо-западе Предалтайской равнины, прежде всего Урожайная [16–17]. Уже отмечалось, что на памятнике содержится непропорционально большое количество разделочных и скоряжных инструментов, которые использовались в работе. Мы уже высказывали предположение о том, что Урожайная, как и другие позднепалеолитические памятники, расположенные на останках, являются охотничье-заготовительными сезонными лагерями [18, с. 21–24]. Возможно, в период миграционного движения стадных животных через равнину организовывалась массовая загонная охота и переработка добытых животных на стоянке Урожайной. Огромное количество скребел и присутствие всей СИГ по их производству [19] свидетельствует о достаточно глубокой переработке биологического сырья: разделка и обваловка туш, предварительная обработка шкур. Не исключен процесс предварительной консервации мяса (например вяление и копчение), которая могла осуществляться перед транспортировкой добычи на базовый лагерь или в ходе этого процесса (разделение мужской рабочей группы на «транспортирующую» и «заготовительную» части).

Остается невыясненным расположение базовой стоянки, обитатели которой оставили столь впечатляющие остатки своей охотничьей деятельности. Нахождение памятника на самом останце вряд ли возможно в связи с его открытостью ветрам и удаленностью от нормального водного источника. Скорее всего стоябище располагалось южнее, в многочисленных залесенных долинах переходной предгорной зоны, изобиловавшей водой и другими биологическими ресурсами, в отличие от остепненного предгорного плато. Базовым стоябищем считается Сросткинская стоянка, расположенная относительно недалеко, но его отделяет русло Катунь, трудно преодоливая преграда даже в более поздние периоды. Мелкие охотничьи стоянки известны практически на всех малых притоках Катунь, однако их исследование оставляет желать лучшего, так как культурные слои слабонасыщены и зачастую переотложены склоновыми позднечетвертичными и голоценовыми процессами (например Манжерок 2) [20, с. 50–73; 21, с. 3–18].

Следует также отметить отсутствие в этом регионе специализированных каменоломен, поскольку пригодные для расщепления валунно-галечные конгломераты практически слагают толщу плато на этом участке Предалтайской равнины. В среднем течении Катунь отмечено использование на базовых стоянках (прежде всего Усть-Куюме) сырья из каменоломен Тыткескена, однако их неисследованность не позволяет определить алгоритм использования и роль в структуре производительных сил. Наиболее перспективным решением данной проблемы может стать изучение уникальной горизонтальной выборки-штольни, о которой речь шла ранее.

Интересные наблюдения имеются для Причумышья, где скопление костяных и роговых орудий в аллювии реки демонстрирует, на наш взгляд, место охоты на переправляющихся через реку мигрирующих животных (покол). На всех ближайших участках долины правого и левого берегов Чумыша в этом месте зафиксированы очень слабонасыщенные позднепалеолитические культурные слои (Улус 1, Манжиха, Степь-Чумыш-маслозавод и др.), а в 5 км ниже по течению расположены алевролитовые мастерские-каменоломни (Куяк 5, комплекс Сары-Айры). Не исключено то, что здесь мы имеем выразительный инфраструктурный хозяйственный объект, который требует дальнейшего пристального исследования.

Мезолитическая эпоха существенно отличается по организации кормовых угодий от палеолитического времени. Это связано с серьезными палеоэкологическими последствиями раннеголоценового потепления и вымиранием или миграцией из Предалтая крупных стадных четвертичных животных. Существует достаточно большое количество мнений исследователей по поводу воздействия на хозяйство и индустрию финала палеолитического времени указанных природно-кли-

матических изменений. Спектр гипотез охватывает порой совершенно противоположные взгляды – от отсутствия влияния на характер материальной культуры до полной ломки старого хозяйства и образования новых микролитических мезолитических традиций. На наш взгляд, имеют право на существование все точки зрения, необходимо только определить, к каким регионам Евразии они приложимы [22, с. 165–166]. В горно-таежных и лесных зонах, действительно, резкой смены традиций не наблюдается, так как спектр охотничьей добычи там был и в раннем голоцене достаточно обширен. То же самое можно сказать и о циркумполярной области, где и популяции человека были менее многочисленны, и стадные холодолюбивые животные продолжали свое существование.

Совершенно другая картина сложилась на предгорно-равнинных пространствах, где биоценоз претерпел наиболее радикальные изменения. Мы можем утверждать, что в этих регионах присваивающее охотничье хозяйство, ориентированное на добывание прежде всего крупных стадных четвертичных животных, рухнуло. Если сравнить количество поздне- и финальнопалеолитических памятников с мезолитическими, мы увидим резкое сокращение (притом, что периоды существования позднего палеолита (7 тыс. лет) и мезолита (4–5 тыс. лет) не очень отличаются друг от друга). На месте сотен разнофациальных позднепалеолитических памятников мы видим десятки слабонасыщенных мезолитических стоянок. В ряде регионов Предалтая, несмотря на их неплохую изученность, мезолит до сих пор не обнаружен (Горная Шория, Причумышье, Рудный Алтай). При этом надо учитывать и более «мелкое» залегание культурных слоев раннеголоценового времени, позволяющее более эффективно их фиксировать. Таким образом, можно констатировать не просто изменение облика культуры в момент перехода к мезолитическому времени. Можно с достаточной долей уверенности утверждать о существовании *кризиса* человеческого общества, оказавшегося в регионе на грани исчезновения. Именно поэтому на фоне различных позднепалеолитических культур Предалтая в раннеголоценовое время мы ведем речь только об одной – усть-семиинской. Отмеченные ранее истоки этой культуры прослеживаются и в куямских, и в нижнекатунских индустриальных традициях, что может свидетельствовать о слиянии остатков этих образований в эпоху мезолита. Начальный период этого процесса маркируют памятники с начальной микролитизацией инвентаря – Красная Гора и Майма. Оба поселения по культурным признакам отнесены к нижнекатунской культуре (позднему этапу), что позволяет сделать утверждение о ее большей жизнеспособности и основной роли в формировании мезолитических индустриальных и культурных традиций. Поздние куямские материалы нам пока неизвестны.

Потребности адаптации производительных сил формирующегося мезолитического общества к новым палеоэкологическим условиям привели к следующим существенным изменениям, отмеченным исследователями и для других регионов Евразии, в которых происходит резкая смена культур и технологий обработки камня:

- переход от загонной массовой охоты на крупных стадных животных к индивидуальной (выслеживание, погоня-преследование, скрад, пассивные и активные ловушки);
- сегментация рода, обусловленная невозможностью прокормиться достаточно большой группе на старой кормовой территории из-за уменьшения поголовья животных и исчезновения массовых сезонных миграций четвертичных видов копытных;
- становление кочевого образа жизни с передислокацией на временные поселения, соответствующие сезону, не мужской охотничьей группой, а всего племени, рода или его части (линиджа);
- микролитизация орудийного набора, вытекающая из потребности облегчения снаряжения и вооружения при преследовании добычи и перекочевках;
- распространение облегченного дистанционного вооружения (прежде всего лука и стрел);
- распространение технологий изготовления пассивных и активных ловушек различных типов, приемов и способов их использования;
- появление на заключительных этапах мезолита рыболовства как отрасли хозяйства и сегмента производительных сил (становление специализированной СИГ, ориентированной на производство и применение рыболовецких инструментов). Окончательное оформление рыболовства происходит в эпоху неолита и остается за рамками нашего исследования [22–26].

Подтверждения перечисленным изменениям, достаточно многочисленные и убедительные, опубликованы и обобщены в кандидатской диссертации В.П. Семибратова, успешно защищенной в 2000 г. [27–28].

Все исследованные культурные слои мезолитической эпохи представляют собой остатки кратковременных стоянок небольших охотничьих коллективов. Зафиксированы свидетельства сооружения переносных жилищ типа чумов с «ветрозаслонными» заваленками и центральным очагом. Впервые свидетельства использования подобной конструкции, обложенной по диаметру камнем, документированы Б.Х. Кадиковым при раскопках аварийного участка стоянки Майма [29, с. 9–21]. Предполагал сооружение чумов или аналогичных им переносных конструкций Г.П. Сосновский, однако убедительных планиграфических и стратиграфических данных в материалах стоянки Сропки нет [30, с. 109–125].

Усть-семинская мезолитическая культура в своем развитии прошла ранний, развитый, поздний и финальный этапы эволюции, отражающие процесс адаптации общества к изменившимся природно-климатическим условиям. Усиливались микролитизация и стандартизация индустрии, появлялись инновационные технологии первичной и вторичной обработки минерального сырья, расширение типологического разнообразия наконечников стрел. С позднемезолитического времени происходит становление рыболовной отрасли хозяйства, представленное единичными находками шлифованных утяжелителей составных рыболовных крючков. Единичность находок не должна вводить исследователей в заблуждение относительно слабого развития рыболовства. Как мы не раз отмечали, никакой случайности (за редкими исключениями) в появлении новых типов изделий быть не может. Даже единичные артефакты документируют появление новационного СИГ (включающего комплекс технологических приемов, умений и навыков мастеров камнеобработки), а также соответствующих способов использования данных орудий в хозяйстве. Уже на этапе финального мезолита потребности развивающейся рыболовецкой отрасли экономики вызвали формирование деревообрабатывающей макроиндустрии [31–33]. Появление на позднемезолитических этапах макролитической индустрии, включающей бифасы, орудия с подшлифовкой, струги и подобное, документировано во многих регионах Евразии. Отличие появившихся инструментов от традиционного набора микролитической индустрии было столь разительно, что вызвало появление термина «гигантолиты» [34, с. 148].

В целом влияние новой отрасли на производительные силы усть-семинского общества можно структурировать следующим образом:

1. Новый продукт привел к усилению оседлости, следовательно, вызвал определенные домостроительные потребности;
2. Рыболовство как отрасль хозяйства имеет свои закономерности развития, приводящие к появлению новых способов его реализации – изготовление «плавсредств», пассивных ловушек, более продуктивных способов лова, требующих соответствующего орудийного оснащения [34];
3. Рыболовство требует большей оседлости, следовательно, традиционная охотничья деятельность становится более интенсивной, ориентированной на добывание животных пассивным способом без участия человека и более продуктивную охоту без длительного отрыва от места проживания [35].

Все перечисленное послужило основой для формирования неолитических элементов в производительных силах мезолитического общества на финальной стадии и способствовало началу нового витка эволюции общества каменного века региона.

Библиографический список

1. Семенов, Ю.И. Происхождение брака и семьи / Ю.И. Семенов. – М., 1974.
2. Кунгуров, А.Л. Палеолитические стоянки Гилевского водохранилища / А.Л. Кунгуров, С.М. Ситников // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998. – Вып. 9.
3. Кунгуров, А.Л. Предварительные итоги изучения каменоломни-мастерской Давыдовка 1 (Рудный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VII.
4. Кунгуров, А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники / А.Л. Кунгуров. – Барнаул, 2002.
5. Кунгуров, А.Л. Палеолит юго-западного и южного Присалаирья / А.Л. Кунгуров, М.М. Маркин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII.
6. Кунгуров, А.Л. Палеолитические памятники р. Тыткескень (Средняя Катунь) / А.Л. Кунгуров // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – №3. – Горно-Алтайск, 1998.
7. Любин, В.П. Мустьерские культуры Кавказа / В.П. Любин. – Л., 1977.
8. Кунгуров, А.Л. Палеолитические памятники Среднего Причумышья / А.Л. Кунгуров, М.М. Маркин // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. 6. – Ч. II.
9. Кунгуров, А.Л. К вопросу о сборах на галечных отмелях рек / А.Л. Кунгуров, М.М. Маркин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1997. – Вып. 8.
10. Кунгуров, А.Л. Палеолитические находки в верховьях Алея // Археологические исследования на Алтае / А.Л. Кунгуров. – Барнаул, 1987.
11. Грушин, С.П. Результаты археологической разведки 2005 года в Рудном Алтае / С.П. Грушин, А.Л. Кунгуров // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2006.
12. Кунгуров, А.Л. Новый тип палеолитических местонахождений Рудного Алтая / А.Л. Кунгуров // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. – Барнаул, 2006. – Вып. 2.
13. Маркин, М.М. Геолого-петрографический и технологический анализы каменных индустрий позднеледниковья Салаирского кряжа и Солтонской впадины / М.М. Маркин // 300 лет горно-геологической службе России. – Барнаул, 2000.
14. Маркин, М.М. Новые археологические памятники верхнего течения реки Чумыш / М.М. Маркин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Вып. XI.
15. Маркин, М.М. Поповинская Гора-1 – памятник эпохи камня Кивдинской гряды / М.М. Маркин, С.Г. Платонова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Вып. XI.
16. Деревянко, А.П. Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника сопка Урожайная (низовья р. Катунь, Северный Алтай) / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин. – Новосибирск, 1992.
17. Кунгуров, А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Средней Катуни / А.Л. Кунгуров // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул, 1991.
18. Кунгуров, А.А. К вопросу о «хозяйственной направленности» некоторых палеолитических стоянок Алтая / А.А. Кунгуров // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997.
19. Кунгуров, А.Л. Элементы производительных сил палеолитического и мезолитического общества Предалтая и их эволюция / А.Л. Кунгуров // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2006. – Вып. 2.
20. Молодин, В.И. Разведка в Горном Алтае / В.И. Молодин, В.Т. Петрин // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985.
21. Молодин, В.И. Памятник с микролитическим инвентарем в Горном Алтае / В.И. Молодин, В.Т. Петрин // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990.
22. Кунгуров, А.Л. Мезолит Алтая: миф или реальность? / А.Л. Кунгуров // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : матер. ХП Зап.-Сиб. арх.-этнограф. конф. – Томск, 2001.
23. Кунгуров, А.Л. Палеолит и мезолит Алтая : учебное пособие / А.Л. Кунгуров. – Барнаул, 1993.
24. Кунгуров, А.Л. Мезолит Алтая / А.Л. Кунгуров // История Алтая : учебное пособие. – Барнаул, 1995. – Т. 1.
25. Кунгуров, А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема / А.Л. Кунгуров // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997.
26. Кунгуров, А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема / А.Л. Кунгуров, Б.Х. Кадилов // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985.
27. Семибратов, В.П. К вопросу о нижней границе мезолита бассейна реки Катунь / В.П. Семибратов // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. V. – Ч. 1.
28. Семибратов, В.П. Раннеголоценовые комплексы среднего течения реки Катунь : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.П. Семибратов. – Барнаул, 2000.
29. Лапшин, Б.И. Позднепалеолитическая стоянка у с. Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) / Б.И. Лапшин, Б.Х. Кадилов // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981.
30. Сосновский, Г.П. Палеолитическая стоянка у с. Сrostки на р. Катуни / Г.П. Сосновский // Палеолит и неолит СССР. – МИА. – М., 1941. – №2.
31. Крайнов, Д.А. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья / Д.А. Крайнов // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита-раннего металла. – Л., 1991.
32. Буров, Г.М. Прочная оседлость и закорное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы / Г.М. Буров // Первобытный человек и природная среда. – М., 1974.
33. Брюсов, А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху / А.Я. Брюсов. – М., 1952.
34. Мезолит СССР. – М., 1989.
35. Старков, В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья / В.Ф. Старков. – М., 1980.